

В.В. Ванчугов

Философствование в условиях немирного времени: постижение смысла «второй отечественной войны»

Среди переживших Первую мировую войну и выживших в ней особого внимания заслуживают те, кто при всех тяготах быта продолжил интеллектуальную деятельность, включившись в постижение «смысла войны», переосмысливая при этом и прежние свои рассуждения о жизни, о мире, о дружбе. Война оказала и положительное влияние на творчество мыслителей, вынужденных отказаться от привычных схем и искать новые пути решения проблем. Выявление «сущности войны» породило многочисленные опыты постижения «духа народа» (как своего, так и противника) и даже привело к обсуждению темы «национального своеобразия философии» участников конфликта.

По обе стороны фронта академические круги пребывали в патриотическом и националистическом угаре, переходящем в шовинизм. В Германии появляется воззвание 93 крупнейших немецких ученых, озаглавленное «К культурному миру». Воюющие против Германии государства объявлялись злейшими врагами немецкой культуры, а германский милитаризм – ее защитником. «Без нашего милитаризма, – писали авторы воззвания, – немецкая культура была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее недр... Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски соединяет ныне 70 млн немцев без различия уровня образования, сословий и партий»¹. И хотя авторы этого воззвания хотели оправдаться перед мировым сообществом, однако их обращение восприняли как демонстрацию шови-

низма, вызвавшего осуждения и проклятия. Б.В. Яковенко в письме к Г.Г. Шпету (13.11.1914 г.) признавался, что «никогда не предполагал, чтобы интеллигентные люди могли пасть (умственно и нравственно) так низко в общечеловеческом смысле... Да-с! Если так, то и, слава Богу, что ее – Германию – разнесут теперь в пух и прах. Таких людей, такого добра, такой цивилизации – человечеству не надо»². В опубликованном в «Русских ведомостях» 28 сентября обращении от имени писателей, художников и артистов поддерживалась необходимость обуздания германской жестокости праведной силой, при этом авторы указывали на опасность поддаться соблазну мести: «Уже прорастает широко брошенное ее рукой семя национальной гордыни и ненависти; пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам, и громко раздадутся тогда голоса ослепленных гневом... и отрекающихся от всего великого и прекрасного, что было создано гением Германии на радость и достояние всего человечества. Но заставим себя помнить гибельность таких путей»³.

Воззвание 93 немецких ученых спровоцировало ответ от имени профессорско-преподавательского состава высшей школы России, составленный советом Петроградского университета. Российские профессора порицали немецких коллег за апологию милитаризма – этого врага не только европейской, но и германской культуры, поскольку он «успел уже оказать свое губительное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты, – стал сменяться с некоторых пор культом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм»⁴. «Ответ германским ученым», подписанный 166 представителями университетской общественности Петрограда и Москвы, появился во второй половине декабря и в России, и под этим документом подписался также и Л.П. Карсавин. На основании законодательного постановления Совета министров от 31 октября 1914 г. из состава почетных членов Московского университета и состоявших при нем научных обществ были исключены около 70 подданных Германии, и в числе первых (5 декабря 1914 г.) был исключен профессор философии из Лейпцига Вильгельм Вундт, подписавший известное воззвание немецких ученых «К культурному миру».

Ресурсы периодической печати концентрировались на основном направлении – формировании образа врага. В этом процессе активную роль играли и интеллектуалы. На заседании «Религиозно-

философского общества памяти Вл.Соловьева» в Москве В.Ф.Эрн представлял агрессора следующим образом: «Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружались хищные, кровожадные когти. Лик “народа философов” искажился звериной жестокостью» («От Канта к Круппу»⁵). В другом месте он переходит от метафор к фактам, ставящим под сомнение, что Германия представляет культуру Европы: «...ужасы, зверства, бессмысленные массовые расстрелы, разрывные пули, предательское злоупотребление белым флагом, приканчивание пленных, сжигание казаков живыми, калечение бельгийских детей, насильствование женщин, систематические грабежи, метание бомб в беззащитные толпы горожан, отравление колодцев, допросы пленных с пытками, сокрушение огнем и мечом величайших памятников культуры – все это тоже Европа, тоже проявление ее исторической сущности?» («Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия», Лекция 1-я), затем снова речь становится насыщенной образами: «Поверх всех ужасов физических на духовном экране всечеловеческого сознания вырисовалось... наглое рыльце прусского лейтенанта. На нем все лоснится и светится от бесконечной самоуверенности. С головы до ног и от каски до глубины мозгов, до последней сердечной мысли в нем, все made in Germany»⁶.

Германия, как сторона, напавшая на нас, ставилась заведомо в проигрышное положение. В.В.Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» (1915) отмечал, что войны завоевательные «нередко бывали нравственно разрушительны для победителя», а вот оборонительные всегда суть войны нравственно-воспитательные, поскольку они формируют дух народный, «сжигают в нем нечистые частицы, объединяют его, уплотняют его – ведут к жертве и героизму...Такова была у нас война 12-го года; с таковыми же чертами у нас начинается великая война 14-го года» («Войны как великое воспитание»). Также и прочие состояния общественного сознания в стане агрессора принимали отрицательное толкование. В центре внимания были патриотизм, дух нации, национализм. Так, кн. Е.Н.Трубецкой противопоставил агрессивному германскому национализму прогрессивный русский патриотизм. В первом он видел только национальный эгоизм, который ведет лишь к угнетению всех тех, кто не принадлежит к господствовавшей национальности; в русском же патриотизме он отмечает чувство, объ-

единявшее все народы империи, без презрения и ненависти к другим народам, присущего национализму. Трубецкой утверждал, что наш патриотизм – сверхнароден, и в этой войне Россия борется за права всех национальностей. В национальном вопросе, обострившемся теперь уже в контексте войны и применительно к семейству европейских народов, следует занимать такую позицию, которая исключала бы как космополитизм, так и национализм⁷.

Всплеск патриотизма сопровождается ростом национализма, восприятие войны происходит в контексте противопоставления германства и славянства, повышенным вниманием к образу «Святой Руси» и прочим мифологемам. Совет профессоров Петроградского университета в адресе на имя Николая II (29 июля 1914 г.) заверял, что вместе с царем они горят стремлением служить «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства». «Центр и мощь славянства» России видел и А.С.Изгоев⁸, а В.Ф.Эрн заявлял, что «время славянофильствует». Однако Е.Н.Трубецкой, наоборот, «славянофильские формулы времен турецких войн» считал не соответствовавшими историческому моменту и более приемлемой для России считал «сверхнациональную, универсальную» задачу «политического возрождения всех поработенных национальностей». Их будущее он видел в том, чтобы играть роль «сторожевых постов против Германии»⁹. Сверхнародный, сверхпартийный смысл настоящей войны – вот что, по мнению Трубецкого, составляет силу России, славян и их союзников. Д.С.Мережковский на заседании «Религиозно-философского общества» в Петрограде (26.X.1914) отмечал, что в настоящей войне происходит «торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в “зоологический патриотизм”». Вот почему исконная задача русской общественности – борьба с национализмом – сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо» (доклад «О религиозной лжи национализма»). К подобному восприятию склонен был и Н.А.Бердяев. Прочитав книжку В.В.Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», он отметил, что эта работа «свидетельствует о возрождении славянофильства», однако после В.С.Соловьева нет уже возврата к старому славянофильству, и еще более, чем мыслью, «опровергнуты славянофильские зады жизнью... Я думаю, что нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские, и западнические платформы и обязывает нас к

творчеству нового самосознания и новой жизни... Мировая война, конечно, приведет к преодолению старой постановки вопроса о России и Европе, о Востоке и Западе. Она прекратит внутреннюю распрю славянофилов и западников, упразднит и славянофильство, и западничество, как идеологии провинциальные, с ограниченным горизонтом»¹⁰. Но ему энергично возражал В.Ф.Эрн, отражая нападки на славянофильство, которому, как он полагал, не могут простить того, что «оно воскресает; больше того, воскресает в новых, неожиданных, непредвиденных критикой формах», и это вызывает негодование в самых различных людях, в негодовании этом «шестидесятник А.Кизиветтер встречается с самым авангардным мистиком Н.Бердяевым», реплика которого по поводу книги Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» – (статья «О “вечно бабьем” в русской душе») – пример «кавалерийского наезда»¹¹.

Появляются тематические работы, например, «Вопросы мировой войны», подготовленные М.И.Туган-Барановским в 1915 г. – компендиум статей и выступлений профессоров российских высших школ относительно происходящих событий; под редакцией М.М.Ковалевского выходил в 1916–1917 гг. сб. «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию» (три выпуска из предполагавшихся четырех). Профессора и преподаватели историко-филологического факультета Петроградского университета в 1915 г. участвовали в сборниках статей «Немецкое зло», «Великая война», «История великой войны», «Вопросы мировой войны». Н.А.Бердяев и В.Ф.Эрн в Москве приурочили к Первой мировой войне каждый по сборнику «Судьба России» (1915) и «Меч и крест» (1915), куда вошли размышления на самые разные темы. Появилась также серия книг «Война и культура», издававшаяся в 1915–1916 гг., где свои статьи в виде брошюр опубликовал и И.А.Ильин («Духовный смысл войны». М, 1915). В 1915 г. преподаватели Московского университета прочитали публичные лекции, среди которых «Духовный смысл войны» (И.А.Ильин), а Петербургский университет организовал публичные лекции «Идея нации» (С.И.Гессен), «Война и биология», «Война и право».

Желая послужить Отечеству в своем профессиональном качестве, Е.Н.Трубецкой в ноябре – декабре 1914 г. вместе с И.А.Ильиным совершает поездку по российским городам (Саратов, Воронеж, Курск, Харьков), где выступает с публичными

благотворительными лекциями, сбор от которых идет в помощь всероссийскому союзу городов и разоренному войной населению Царства Польского («Война и мировая задача России»; «Отечественная война и ее духовный смысл»; «Национальный вопрос, Константинополь и святая София»). С лекцией «Лик России. Великая война и русское призвание» выступает в 1914–1916 гг. в Москве, Костроме, Рыбинске и др. городах С.Н.Дурылин. Помощь фронту осуществлялась даже в формате музейной работы – в 1915 г. Общество истории и этнографии Казанского университета открыло «Музей современной войны».

Тема войны поднималась интеллектуалами в публикациях в периодике (литературно-художественные журналы, газеты как главное средство массовой коммуникации того времени), где они выражали свое отношение к происходящим событиям в стане союзников и противников, делились впечатлениями от поездок в прифронтовую полосу (например, поездка Н.О.Лосского на фронт (район Двинска) с делегацией Союза профессоров Петроградских гимназий для раздачи рождественских подарков) в частной переписке, в выступлениях в профессиональных сообществах (в Московском религиозно-философском обществе памяти В.С.Соловьева, Религиозно-философском обществе в Петрограде¹²). 6 октября 1914 г. в Большой аудитории Политехнического музея состоялось открытое заседание Московского религиозно-философского общества памяти В.С.Соловьева, посвященное начавшейся войне. С докладами выступали Рачинский («Братство и свобода»), Трубецкой («Война и мировая задача России»), Вяч. Иванов («Вселенское дело»), Булгаков («Русские думы»), Эрн («От Канта к Крупну»). Однако не все докладчики были согласны друг с другом. Особую полемику вызвало выступление Эрна, который о своей речи сообщал жене, что это «настоящая «мина» под всю германскую культуру» (28.09.1914). «Моя речь, – заявил Эрн во время выступления, – самый страстный протест против этого упрощенного понимания всемирной истории... Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешиено Аналитикой Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Крупна полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа

в орудиях Круппа»¹³. Для разъяснения своей позиции Эрну пришлось выступить еще несколько раз в более узком кругу – на закрытых заседаниях общества («О нашем отношении к германской культуре» и «Сущность немецкого феноменализма»), на одном из которых его оппонентом был И.А.Ильин.

Среди главных тем для дискуссий тех лет – выявление «смысла войны». Изучив книжку Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», Бердяев с иронией замечает, что «славянофильство возродила война, и в этом – основной смысл войны» («О “вечно-бабьем” в русской душе»¹⁴). Многие философы, непременно указывая на отрицательный характер войны, все же пытались найти в ней и положительные моменты, используя диалектические приемы, характерные для В.С.Соловьева, который в «Оправдании добра» (1894–1897) и в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900), признав войну злом, усмотрел ее положительный смысл в том, что она ведет к «политическому объединению человечества». В работе его последователя Е.Н.Трубецкого «Смысл войны» (М., 1914), где объединены его статьи, напечатанные в «Русских ведомостях», война воспринимается в контексте коллективной рефлексии. Смысл войны Трубецкой видит в том, что Россия совершила огромный шаг в самосознании. Благодаря великой европейской войне «нас как-то глубже захватывает и красота русской природы, и наша своеобразная мелодия, и вся вообще духовная глубина русского искусства» и, что всего важнее, все «прежде отрывочные переживания и впечатления связуются во единый, целостный образ России», при этом «в нас повышается чувство бесконечной ценности всего того индивидуального, незаменимого, единственного в своем роде, что есть в этом лике народном». И в этом новом мироощущении заключается одно из наиболее ясных откровений духовного смысла настоящей войны («Отечественная война и ее духовный смысл»). Бердяев, который, по его признанию, пережил три войны, из которых две мировые, две революции в России, малую и большую («Самопознание: Опыт философской автобиографии»), много внимания уделял «психологии войны», поскольку именно она дает представление о «психологии народных масс» и является наилучшим и очевидным опровержением обоснования общественности как проявления рациональности («Философия неравенства (Письма к недругам по

социальной философии)»). Свои суждения относительно психологии войны и ее смысла он свел воедино в сборнике статей «Судьба России» (1918), с характерными заголовками. При этом он замечает: «...не о нынешней войне хочу я говорить, а о всякой войне. Что являет собою война? Как философски осмыслить войну?»¹⁵. Необычайный патриотический подъем вызвала война у Ильина, откликнувшегося статьями, брошюрами, лекциями и выступлениями. 13-го декабря 1914 года он прочитал доклад «Об основном нравственном противоречии войны», а некоторое время спустя выступил с публичной лекцией «О духовном смысле войны» (1915), где заявил, что последняя «несет людям и народам духовное испытание и духовный суд». Великий народ, т. е. духовно творческий народ, должен воевать, оставаясь на духовной высоте. «Пусть же будет воинственный подъём, – пишет Ильин, – но не озлобление и не ненависть, и не уличные погромы, пусть будет бесстрашие, но не презрение к врагу ...не месть, не жестокость, и не корыстная травля». Свои соображения на эту тему представил и С.Л.Франк¹⁶.

Гуманитарии в целом, и философы в частности, сосредоточились на изучении международного положения воюющих стран, текущих военных событий, состояния экономики, на исследовании причин и характера Первой мировой войны¹⁷. Со стороны некоторых ученых предпринимаются попытки обосновать историческую предопределенность агрессивности германцев. «В германской культуре прошлого и настоящего есть немало образцов этого высокомерного и вообще недолжного отношения к другим народностям и культурам», – отмечал Е.Н.Трубецкой¹⁸. Историки вдруг обнаружили, что нигде агрессивность Германии не проявляется так ясно, так рельефно, как в немецкой исторической науке, и это отмечено было и на одном из заседаний Религиозно-философского общества в Петрограде (21 декабря 1914 г.) в выступлении С.М.Соловьева («О современном патриотизме»).

Из всего военно-политического блока государств, противостоявших державам «дружественного соглашения» (Антанте) в Первой мировой войне, выделена была именно Германия, став основным объектом критики. М.И.Туган-Барановский в прениях после доклада З.Н.Гиппиус «История в христианстве» на поставленный им вопрос «что объединяет Англию, Францию, Россию и Японию?» – отвечал, что, прежде всего, это вражда к Германии,

что «центром войны» является Германия и характеристикой войны «служат свойства самой Германии». Чтобы понять войну, следует понять, «что такое Германия», почему она вызывает ненависть в совершенно различных социальных группах (5 ноября 1914). В процессе постижения сущности войны получил распространение тезис о сосуществовании «двух Германий» – с одной стороны, страны поэтов и философов, с другой стороны, державы кровожадного варварства и милитаризма. «Германия, – писал Розанов, – когда-то бывшая страной Гёте и Шиллера, Шеллинга, Фихте и Гегеля, стала государством “крови и железа”, по формуле и по зову Бисмарка, – но без всякого идеального, светоносного содержания» («Война 1914 года и русское возрождение»). В статье «Религия германизма» (опубликована в июне 1916) Бердяев отмечал наличие двух подходов: для одних не существует никакой связи между Германией старой (страной великих мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов) и Германией новой, страной «материалистической, милитаристической, индустриалистической, империалистической», и связь между «немцем – романтиком и мечтателем» и «немцем – насильником и завоевателем» остается непонятой; для других же германский идеализм и должен был на практике проявиться в жажде мирового могущества и владычества, а потому, следуя логике Эрна, от философии Канта прямая линия к пушкам Круппа («Судьба России»).

Война изучается всесторонне с первого до последнего дня ведения боевых действий, современники всматриваются в происходящее с разных точек зрения. Война воспринимается интеллигентами как столкновение миров, племен, рас: «Ныне разразилась, наконец, давножданная мировая борьба славянской и германской расы», отмечал Бердяев, а для Эрна это был натиск на славян, «налет Валькирий», для Розанова «исполин пошел на исполина», и экспозиция такова: «За нашей спиной – все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев – и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это – не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой» («Война 1914 года и русское возрождение»). Аналогия между Германией и монгольскими завоевателями замечена и в суждениях С.Л.Франка, который, анализируя духовные основы германского милитаризма, подчеркнул, что в немцах тесно пере-

плелись высокая научная культура и низкая, варварская мораль. Исходя из этого он назвал Германию, используя давнее сравнение А.И.Герцена, «Чингисханом с телеграфом»¹⁹. Однако С.Н.Булгаков напоминает соотечественникам и о другой тенденции: «Никогда еще за свою историю Россия до такой степени не сближалась с Европой, столь тесно, так органически не входила в ее семью»²⁰. Война воспринималась также и как столкновение двух стихий, как оппозиция «мужского» и «женского» начал. Тема была подхвачена Бердяевым в книге «Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности)», где отмечалось, что русский народ не желает быть «мужественным строителем», поскольку его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он «всегда ждет жениха, мужа, властелина»; Россия – «земля покорная, женственная», а вот германская раса – «мужественная, самоуверенно и ограниченно мужественная» («Психология русского народа»).

Следует отметить попытки представления войны и как противостояния конфессий, противоборства протестантского немецкого, католического французского и православного русского народов. Наряду с преобладанием историсофской тематики в суждениях о войне, заметна и религиозная риторика, пронизывающая статьи и выступления. Начало было положено речью Николая II в Государственном Совете и Думе после объявления войны, когда прозвучало: «Велик бог земли русской!» И далее интерпретация происходящего на полях сражений в контексте религиозного только усиливалась. В публичной лекции «Война и русское самосознание» (1915) С.Н.Булгаков заявил, что война означает новый и великий этап в истории русского самосознания, а именно – освобождении русского духа от западнического идолопоклонничества, сокрушение старых кумиров и обретение великой свободы. Он заявил также, что весь мир ожидает от нас «русского слова», всплеска творчества, порыва и вдохновения, и мы должны ему явить русский дух, во всей его мощи, религиозной глубине, а также предъявить контуры чаемого царства – «третьего Рима»». Выступающий также призвал к тому, чтобы явить миру неовизантийскую, русско-православную культуру «христианского востока», и тогда будет достигнута полнота западно-восточного мира и сомкнется круг исторической цепи. В лекции «Лик России. Великая война и русское призвание»,

с чтением которой С.Н.Дурылин выступает в Москве, Костроме, Рыбинске и других городах, война оправдывается провиденциальным предназначением России сберечь Православие, освободить славян и армян от гнета Австрии и Турции, а в книге «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (М., 1915) он говорит о «нашем единственном, но безмерном праве» на Константинополь, обусловленном почитанием Софии Премудрости Божией со времен Древней Руси.

С началом войны бьются не просто государства, но и патронирующие их боги. Это отмечено было и на одном из заседаний Религиозно-философского общества в Петрограде (21 декабря 1914 г.) в выступлении С.М.Соловьева, где император Вильгельм предстал не только как «бронированный кулак», но и как воплощение «большой идеи»: «Он считает себя орудием Божиим, наследником рыцарей меченосцев. Борьба с Германией получит высокий смысл и мировое значение, если Россия покажет себя в ней, как подлинная Христова Русь, Русь любви, жертвы и подвига. И она уже показала себя именно в этом смысле» («О современном патриотизме»²¹). В своей работе с примечательным названием «Меч и крест» В.Ф.Эрн отмечает, что для России меч – служение, а над ним, как святыня, – крест, и потому русское воинство «светлое, бесстрашное», есть прежде всего, «духовная сила» («Вместо предисловия»). Сочувствующий Эрну оппонент Бердяев опишет элементы «религии германизма», благодаря которой германский народ представляется единственной чистой арийской расой, призванной утверждать европейскую культуру не только усилиями духа, но и даже «кровью и железом» («Судьба России», 1916). Среди прочих событий следует отметить встречу Нового года (1917) в штабе юго-западного фронта, когда главнокомандующий армиями генерал-адъютант Брусилов произнес речь, где высказал убеждение, что в этом году враг будет окончательно разбит, наказан за то море крови, которым он залил Европу, что необходимо убить в немцах «злую силу милитаризма, что все народы признают единого, общего Бога, сотворившего вселенную, немцы же уповают на своего особого, «старого немецкого бога». Так как такого бога нет, считает генерал, то это, скорее всего, возможно сам сатана, и русские сражаются с этим сатанинским богом, воплощающим дух австро-германского народа, и «Бог Единый и Праведный» поможет

им его победить. На эту речь ссылался и священник Сергей Соловьев в статье «Национальные боги и Бог истинный», напоминая соотечественникам, что не одни немцы отрицают всечеловеческого Бога и вместо него воздвигают национального идола, но этим грешат и «многие властители дум в России, для которых борьба России и Германии есть борьба двух национальных богов», а всякий национальный бог «если и не сам сатана, то во всяком случае демон». Соловьева раздражают «голоса национального самообожания» и риторика о «Червоной Руси», «Святой Софии», и он заканчивает свою статью призывом к соединению церквей²². У Эрн эта битва на земле представлена как отражение битвы небесной. Подобно Гомеру, действие у которого разворачивается в двух планах: в плане божественном и в плане человеческом, – Эрн формирует новый эпос. Он не может не различать явного сплетения двух планов: действия высших духовных сил и сцепления эмпирических сил истории, – а потому он видит, как двинулись рати России и в «физическом плане стали кровью своею утверждать то, что в плане духовном целые века было народной святыней». Благодаря его метафизической пронизательности современники отчетливо представляют, как метафизическом вверху, в планах духовных, восстанию на Отца противопоставлено возврата к нему, как злой демон одного народа обнажает меч против доброго ангела другого народа; внизу же, в плане физическом, выражая собою метафизическое, армия немцев наступает на армию русских («Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия», Лекция 2-я). Подобную феноменологию войны разделяет и Бердяев, отмечавший, что постижение смысла войны ведет к пониманию того, что все, что совершается на этой войне материально и внешне, – лишь знаки, символы, эмблемы того, что совершается в иной, духовной действительности («О “вечно-бабьем” в русской душе»).

«Вторая Отечественная война» стала вехой в истории философской мысли России, ключевые представители которой, при всех политических и мировоззренческих разногласиях, совместными усилиями внесли значительный вклад в постижение сущности войны и апологию мира. На основании анализа происходящего ими определяется место России в европейском культурном ландшафте, выявляются типы культуры в геополитическом контексте, а темы патриотизма, интернационализма, национализма, милита-

ризма и пацифизма развиваются в контексте историософской проблематики. Представители философской мысли России показали историческое, политическое, философское и богословское измерение войны, создавая всеми доступными способами идейные предпосылки для ее прекращения. Постигание смысла войны вело к формированию апологии мира.

Примечания

- ¹ Две культуры: (к философии нынешней войны). Пг., 1916. Приложение: Манифесты 93 представителей германской науки философии и искусства и германских университетов.
- ² Письма к Шпету (Г.Челпанова, Б.Яковенко, Л.Шестова, Р.Якобсона и др.) // Логос. 1992. № 3.
- ³ Русские ведомости. 28 сентября 1914 г.; От писателей, художников и артистов // Вестн. воспитания. 1914. № 7. Это воззвание подписали Горький, А.И.Кизеветтер, Л.М.Лопатин, В.М.Фриче, П.Б.Струве, П.Н.Сакулин и мн. др., всего около тысячи человек.
- ⁴ Протест Университета // Вестник Европы. 1914. № 12; Протест представителей русской науки против неправомерного ведения войны Германией и Австро-Венгрией // Новое время. 21 нояб. (4 дек.) 1914.
- ⁵ Эрн В.Ф. Время Славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. Сер.: Война и культура. М., 1915. С. 3.
- ⁶ Там же. 48 с.
- ⁷ Патриотизм против национализма // Русские ведомости. 2 (15) авг. 1914.
- ⁸ На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8–9.
- ⁹ Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.
- ¹⁰ О «вечно-бабьем» в русской душе // Биржевые ведомости. 14, 15 янв. 1915.
- ¹¹ Налет Валькирий // Биржевые ведомости. 30 янв. 1915.
- ¹² Заседание 5 февраля 1915 г.: С.И.Гессен. Идея нации (Прения: Муретов, Болдырев). 8 марта 1915 г.: Г.А.Василевский. Виновата ли германская культура? (Прения: Мейер, Философов, Мережковский). 21 декабря 1914 г.: С.М.Соловьев. О современном патриотизме. 26.X.1914: Д.С.Мережковский. О религиозной лжи национализма. 5 ноября 1914 г.: З.Н.Гиппиус. История в христианстве.
- ¹³ От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 255.
- ¹⁵ Мысли о природе войны // Биржевые ведомости. 26 июня 1915.
- ¹⁶ О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № XII.
- ¹⁷ Кареев Н.И. О происхождении и значении теперешней войны // Речь. 1916. № 3; Сорокин П.А. Причины войны и пути к миру. Пг., 1917 и др.
- ¹⁸ Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.
- ¹⁹ О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10.

- 20 Русские думы. Речь, произнесенная в заседании московского религиозно-философского общества памяти Вл.Соловьева 6 октября 1914 года // Русская мысль. 1914. № 12.
- 21 Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 3: 1914–1917. М., 2009.
- 22 Христианская мысль. Киев, 1917. № 3/4.

Библиография

Ванчугов В.В. «Русский Бог» над линией фронта: война и теология // Сократ. Журнал современной философии. М., 2010, № 2 (Война, Память, Победа). С. 48–51.

Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А.Аскольдова, Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, Е.Н.Трубецкого, В.Ф.Эрна и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Дмитриев А. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 196–235.

Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Ин-т истории естествознания и техники / Отв. ред. Э.И.Колчинский, Д.Байрау; ред.-сост. Ю.А.Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007.

Плотников Н., Колеров М. Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник /Под ред. М.А.Колерова. М.: О.Г.И., 1999, С. 65–198.

Русские философы о войне: Ф.М.Достоевский, Вл.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Е.Н.Трубецкой, С.Л.Франк, В.Ф.Эрн. М., 2005.